

Алекса Вулф

Ректор для попаданки

«Литнет»

Алекса Вулф

Ректор для попаданки / Алекса Вулф — «Литнет»,

Вредный ректор говорит, что хранительница из меня никакая, да и книги лечить я не умею. Но белый котёнок, которого я спасла от гибели, не зря привел меня в магическую академию другого мира! Книги-то меня принимают! Правда, мама ректора — мадам из попечительского совета — нет. Но я библиотекарь по призванию - прочь сомнения! И книги все вылечу. А потом поцелую ректора. А там хоть трава не расти.

© Алекса Вулф

© Литнет

Содержание

Глава 1. Никогда не подбирай котят с улицы!	5
Глава 2. Никогда не лги ректору	11
Глава 3. Никогда не перечь судьям	17
Глава 4. Самый справедливый суд в мире	24
Глава 5. Попечительский совет	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Ректор для попаданки

Автор: Алекса Вулф, Ульяна Гринь

Глава 1. Никогда не подбирай котят с улицы!

Белый котёнок, пронзительно мяукнув, вытянул лапки, попытался коготками уцепиться за ржавый металл, но только провалился глубже в трубу.

– Да куда же ты! – с досадой бросила я. – Ох, несчастье моё...

Выпрямившись, глубоко вздохнула, чтобы успокоиться и подумать. Чем можно вытащить крохотного котёнка из узкой трубы? Рукой до него не дотянуться – так бы за шкурку и вверх; палочку протянуть – так он же не ребёнок, не вцепится лапками! А во что может вцепиться?

Кусочек мяса!

– Сиди здесь и никуда не уходи! – строго сказала я котёнку. Как будто он мог улизнуть, пока я буду ходить за едой... Хорошо, что бежать недалеко – до подъезда и на первый этаж. Правда, мяса не было – в обед съела последний кусочек – зато в холодильнике была колбаса. Вкусная, «Докторская»! Отрезав розовый шматок, метнулась в поисках бечёвки или шнура. Как бы его привязать так, чтобы не разрезать пополам? Если котенок повиснет на колбасе...

Так, не думать о плохом!

Я быстро спустилась обратно во двор и присела над трубой:

– Кис-кис! Ты тут?

Громкий писк был мне ответом. Глупый вопрос. Конечно, тут. Я спустила колбасу на шнурочке в трубу так, чтобы котёнок смог её достать. Малыш помедлил и вцепился зубами и когтями в еду. А я потянула осторожно. Но котёнок сорвался, жалобно замыкал, вытягивая лапки.

– Ну держись же ты! – с досадой бросила я и тут же опомнилась: – Ой, прости, прости! Давай, кушай, лапушка!

Лапушка снова ухватился за колбасу, а я принялась медленно, рывками подтягивать шнурок к себе. Надо было спешить, чтобы это маленькое голодное чудовище не сожрало всю колбасу. И через минуту я уже держала в руках урчащее от голода тельце совсем не худенького котёнка.

После того, как малыш, который на деле оказался малышкой, утолил свой первый голод, я задумалась о том, что же мне делать со своим внезапно свалившимся на голову счастьем. Домашних животных у меня не было уже много лет, – вот прям с тех пор, как я съехала от родителей и стала жить одна.

Оставить котёнка на улице мне казалось преступлением. Отдавать в приют? Но и там бедное животное ждали вовсе не райские условия. В конце концов решила пустить всё на самотёк и пока просто обмыть кошачьего ребёнка, хорошенько накормить да спать уложить. Как говорится в русских сказках, – утро вечера мудренее. Вот и не будем торопить события.

Подхватив котёнка на руки, я отправилась домой. И постоянно говорила, говорила, говорила... Есть у меня такая особенность, – когда я нервничаю или волнуюсь, то начинаю болтать без остановки. Говорю обо всём: о погоде в Турции, о тараканах на старом подоконнике соседки из квартиры напротив, о ржавом гвозде, торчащем из стены непонятно с какой целью... и так далее.

Поэтому всю дорогу до дома я выливали на котёнка тонны ненужной информации.

– Знаешь, рядом живёт такой огромный лабрадорище! Но ты не бойся, он добрый. И я тебя в обиду не дам.

Котёнок лишь забавно фыркнул, словно и не сомневался в том, что его не дадут в обиду неведомой собаке.

– Надо тебя как-то назвать, – вдруг прервала я бесконечный поток сознания и остановилась возле дверей в свою квартиру. Из соседской уже привычно раздался приветственный лай большого Оби. – И тебе привет!

Я усмехнулась в сторону закрытой двери соседей и, бряцая ключами, открыла врата в своё жилище.

– Белочка? Беяна? – закрыв за собой дверь, я выпустила котёнка на пол и задумчиво продолжила подбирать имена подобрашке: – Нет, это всё как-то банально. Белоснежка?

Котёнок поднял мордочку, прервав исследовательское вынюхивание плинтусов, и мяукнул.

– Снежка? – я наклонила голову, пытаюсь разгадать эмоции животного. – Тебе нравится?

– Мя! – мяукнул котёнок и снова принялся изучать самые потаённые уголки моего коридора.

– Надо бы шваброй пройти по углам, – задумчиво проговорила я, озвучивая свои мысли вслух. Уж очень заметно на белой шерсти смотрелся комочек пыли и паутины, которые Снежка успела нацепить на свои длиннющие усы.

Пока я размышляла о том, что вместе с пушистой гостьей в мой дом пришла суета и новые заботы, я успела разуться, вымыть руки и даже найти мисочку, в которую тут же налила воды.

– Снежка! – позвала я котёнка, но ко мне на кухню ожидаемо никто не пришёл. – И где же ты, чудо-чудное?

Я вернулась в коридор, но котёнка там не обнаружила. Прошла по комнатам, – везде тихо и спокойно, – ни единого намёка на то, что в доме появился котёнок.

Машинально заглянула в ванную, не надеясь застать Снежку там, – всем известна нелюбовь кошачьих к воде и водным процедурам.

И тем сильнее было моё удивление, когда котёнок обнаружился не где-нибудь, а на дне моей белой чугунной ванны!

– Ты чего тут делаешь? – спросила я, стараясь не напугать Снежку, осторожно обнюхивающую белую поверхность ванны. – Пить хочешь? Так я тебе налила, пойдём.

Не надеясь более на сообразительность кошечки, я подхватила её на руки и отнесла на кухню. Поставила прямо у мисочки и, макнув палец в воду, коснулась влагой розового носа.

– Пей.

Внезапно зазвонил телефон. Я оставила Снежку обживаться на кухне и вернулась в коридор, где в сумке истошно надрывался Лютик, призывая всех заплатить ведьмаку чеканной монетой.

– Да? – спросила я, приняв вызов.

– Алёнка, ты куда пропала? Мы же планировали после работы в бар зайти!

Я хлопнула себя ладонью по лбу. Точно! С этой незапланированной спасательной операцией я совершенно забыла о том, что собиралась встретиться с подругой.

– Прости, совсем из головы вылетело, – виновато ответила я.

– Кто он? – спросила Машка, и я могла поклясться, что подруга изобразила знаменитый взгляд «собаки-подозреваки».

Моментально включившись в игру, я перешла на таинственный шёпот и быстро заговорила:

– Платиновый блондин, глаза – космос!

– Богат? Красив? – тут же подхватила подруга, но я не смогла долго притворяться и засмеялась.

– Машка, ты чудо! Котёнка я нашла на улице, вот и забегалась.

– Ай, ну тебя! – обижено ответила подруга. – И на кой тебе живность? Тебя же дома не бывает, всё за своими книгами сутками просиживаешь.

Я вздохнула.

– Ты права. Но... я просто не могла пройти мимо. Кстати! У твоей мамы же есть кошки! Узнай у нее, плиз, что вообще нужно котёнку? В ветеринарку поведу уже завтра, сегодня поздно.

– Позвоню и распишу тебе всё по пунктам, – всё ещё обижаясь на меня из-за неудачной (по её мнению) шутки, ответила Машка. И отключилась.

А я решила, что пришла пора помыть Снежку, – после трубы, после паутины и пыли её белая шерсть буквально вопила о том, что ей требовалось мыло.

Конечно, я не ждала от маленькой кошечки особого рвения по части мытья. Но даже предположить не могла, что уже через несколько минут мои руки будут исполосованы мелкими царапинами до самых локтей, а кое-где появятся и ощутимо глубокие раны!

В итоге я умудрилась кое-как отмыть наиболее грязные пятна, а на остальное плюнула. Слишком много потрясений и для меня, и для едва отошедшего от первого шока животного.

Под осуждающий мявк я вытерла котёнка махровым полотенцем и пустила на вольные хлеба, а сама подошла к компьютеру и открыла мессенджер, в ожидании инструкций от опытной кошатницы. Но от подруги всё ещё не было никаких вестей.

Вечер проходил в штатном режиме. Я налила в миску молока для Снежки и нарезала ей всё той же «докторской» колбаски. Кошечка поела и, шатаясь, пошла спать на середину комнаты. Чтобы случайно не наступить на это чудо в темноте, я взяла её к себе в кровать. Как настоящая девочка, Снежка сначала запуталась в кружавчиках моей пижамы, потом принялась копать норку в одеяле, а после и вовсе решила сделать мне массаж живота. Пришлось обнять этого ребёнка и гладить, гладить, гладить пока не успокоится. Так мы и заснули вместе.

Проснулась я посреди ночи от истошного мяуканья котёнка. Всполошившись, вскочила и не нашла Снежку под боком. Зато увидела, как светится шар, который я недавно купила на распродаже. Он мне так тогда понравился, что я заплатила аж целых пятьсот рублей, не торгуясь. Шар был матовым, тяжёлым, и служил мне для того, чтобы листы бумаги не разлетались на сквозняке. А теперь он светился, как будто был сделан из чистого фосфора.

Снежка ходила по столу вокруг шара и мяукала, задрав свой маленький пушистый хвостик. Выглядело это зрелище жутковато. Я подошла к котёнку и схватила его на руки. Снежка забарахталась, чтобы освободиться от объятий, и как-то уж очень сильно рвалась к шару обратно.

– Да что же это такое? – рассердилась я на эту маленькую полуночницу и хотела уже взять шар, чтобы убрать его в шкаф. Но как только коснулась его, почувствовала словно разряд электрического тока. Моя ладонь прилипла к шару, и я сама заорала вместе со Снежкой, которую крепко держала второй рукой под мышкой. А потом...

Потом произошло то, чего я никак не могла ожидать даже в своём самом страшном кошмаре.

Нас с котёнком потянуло к шару, мы будто враз уменьшились в размерах и... втянулись в него.

Ощущение не из приятных, даже совсем наоборот!

Вас когда-нибудь закручивало в сиденье на цепочках на карусели? Когдаходишь в штопор и орёшь от ужаса, смешанного с восторгом? Вот именно это я и испытывала, пока нас со Снежкой засасывало в водоворот молочно-белого вихря внутри шара. Ужас, восторг и чувство, что я схожу с ума!

А потом мы приземлились в широком коридоре. Я шлёпнулась на пятую точку, ойкнув от боли, а Снежка, воспользовавшись случаем, выскочила у меня из-под мышки и рванула прочь по длинной ковровой дорожке, скрывшись за углом.

– Снежка! – сдавленно прошипела я. – Куда?!

Мой змеиный свист отозвался эхом в каменных сводах коридора, и я поднялась, кряхтя и охая. Вертя головой во все стороны, чтобы не упустить ни малейшей детали интерьера, я пошла туда, где скрылся котёнок.

Колонны с лепными (или всё же резными?) карнизами, вазы и статуи каких-то голых богов в простенках, а за ними растянутые гобелены... Куда я попала? Или у меня температура поднялась, и всё это только воображение воспалённого мозга?

Ущипнула себя за мякоть руки и снова ойкнула. Болит, значит, я не сплю. Ага. А тут у нас что? Дворец какой-то? Высота потолка вполне, вполне для дворца... А что дальше? Может, попаду в какую-нибудь портретную галерею или в бальный зал? Завернула за угол, а там сразу упёрлась в тупик с дверью.

Закройтой.

А где Снежка?

Я осторожно тронула ручку, нажала на неё, и дверь вдруг раскрылась сама собой, дёрнув меня внутрь. Скрип петель оглушил меня, и я поморщилась. Смазать не помешало бы.

За дверью оказался огромный зал, но совсем не бальный. Тёмный, пыльный и ужасно вонючий зал. Воняло старой кожей, плесенью и вроде как подушками, которые лет десять пролежали в сыром подвале. Неужели сюда и сбежал мой маленький своенравный котёнок?

– Снежка, ты тут? – позвала дрожащим голосом. Эхо как-то странно отозвалось, запрыгало от стены к стене, от шкафа к шкафу, от книги к книге. Это... Боже ты мой! Это же библиотека! Запах – это запах книг, их старых слежавшихся страниц, исписанных чернилами из натуральных ингредиентов! Мамочки...

Стало страшно и волнительно. Разве может существовать место, в котором остались старые книги, не помещённые под колпак со специальной атмосферой?

Где бы свет включить, чтобы осмотреться? Я шагнула в зал, ища глазами выключатель, но свет появился сам собой – как будто вспыхнули невидимые споты в простенках между шкафами. Сделав ещё несколько шагов, увидела на пюпитре закрытую книгу – размером с обычный альбом фотографий, только в два раза толще. Благоговейно коснулась обложки из настоящей телячьей кожи, огладила её, едва прикасаясь.

Обожаю книги!

А эта, похоже, тоже полюбила меня. Она вздрогнула, отчего я вздрогнула тоже и отшатнулась. Тяжёлая обложка затрепетала, как птичье крыло, поднялась, книга раскрылась примерно на середине и замерла. С широко раскрытыми от восхищения и любопытства глазами я подошла ближе и увидела страницу, исписанную примерно до середины. Каждая строчка – другим почерком. Завитушки сменялись готической каллиграфией, а после круглые букочки карабкались одна на другую, цепляясь хвостиками.

Перо, аккуратно лежавшее рядом, тоже проснулось, отряхнулось от пыли и всплыло в воздух. Нет, оно же не начнёт само писать? Это будет совсем глюк и шизофрения!

Перо не подвело. Легко, с тихим скрипом по старинной бумаге, вывело по-русски:

«Поздравляю, новый Хранитель знаний, приступайте к лечению книг!»

– Что?! – воскликнула я, и взгляд метнулся к началу строки, но буквы не исчезли, глаза меня не обманули, действительно новый хранитель и лечение.

– Чушь какая-то, – я помассировала виски и на всякий случай протёрла глаза. Книга всё ещё была охвачена сиянием и лежала передо мной, весело подрагивая листочками.

И будто этого было мало, тишину библиотеки вдруг нарушил новый звук. Тот, от которого сердце моментально убежало в пятки. Кто-то открыл дверь и вошёл...

– Кто вы и что здесь делаете? – возмущённо спросила меня женщина, едва переступив порог. Благодаря освещению со стороны книжных полок, я смогла разглядеть её. На женщине, которой я дала бы лет пятьдесят, был старомодный наряд с плотным корсажем, а голову её украшал забавный чепец с рюшечками и ленточками.

– Я... я случайно, – начала нелепо оправдываться я. – Заблудилась...

– Вот как заблудилась, так и разблудишься, – сурово отрезала женщина и весьма угрожающе двинулась на меня. – Посторонним не место в библиотеке Академии Белого Феникса!

– Ак-ка-д-демии? Какой ещё ак-кадемии? Какого ещё феникса? – от удивления я даже заикаться начала. Да что здесь вообще происходит? Книги оживают сами собой, кошки теряются в тупиках, академии со старушками в чепчиках... Вот только не говорите, что это академия магии какой-нибудь!

– Не, посмотрите на неё! Разгуливает по Академии, лазит в запечатанные библиотеки и не знает, где находится! – повысила голос женщина. – Иди-ка ты, милочка, отсюда, а то позову королевскую полицию, и окажешься за решёткой.

Да я бы и рада уйти – вернуться домой. Но совесть не позволяла забыть в этом странном месте котёнка. Не для того я Снежку спасала из трубы, чтобы бросить в Академии какого-то там феникса на произвол судьбы! А вдруг местные кошек не любят?

Но вскоре мне стало совсем не до кошек. Провидению ли, Богу ли или же ещё кому, но высшим силам было мало издевательств надо мной. Когда женщина в чепце замолчала, дверь в библиотеку снова открылась, огласив помещение стоном несмазанных петель, и на сцену вышло новое действующее лицо.

– Лилиан, это ещё что за шутки? Кто распечатал библиотеку? – обратился высокий темноволосый мужчина к той, что минутой ранее так настойчиво пыталась избавиться от меня.

– Эта студентка уже уходит, ваше сиятельство, – залебезила она перед мужчиной. И потянула ко мне руки. Я невольно отпрянула, опасаясь. Что-то слабо верилось в то, что меня под локоток отведут в спокойное место и оставят в покое.

– Оставь, я разберусь, – махнул рукой мужчина, обрывая речь Лилиан. – Иди, ложись спать, ночь на дворе.

Быстрый торжествующий взгляд, брошенный женщиной в мою сторону, не сулил мне ничего хорошего от общения с этим сиятельством. Но кто меня спросил, хочу ли я оставаться с ним наедине? Правильно, никто. Даже книги молчали.

Когда дверь за женщиной закрылась, нервно скрипнув петлями на прощание, мужчина подошёл ко мне и, окинув пристальным взглядом мою фигуру, выдал:

– Итак, у нас есть два пути. Первый: ты сама расскажешь, каким способом попала в запечатанную библиотеку и что собиралась украсть! Второй: я вызываю королевскую полицию, brave служители закона бросают тебя в тюрьму, и ты рассказываешь всё лично королевскому дознавателю.

– Я не хочу в тюрьму, – пролепетала растерянно. – Я ни в чём не виновата!

– Что ж, значит, ты расскажешь всё мне, а главное – кто твой заказчик и откуда у него артефакт распечатывания.

Да что ж такое! Говорят ему – я не виновата, нет, кто заказчик, что украла... Вскинув голову, ответила сиятельству с достоинством:

– Ладно, пошли, расскажу, как и откуда меня сюда выбросило.

И сама двинулась к двери, но меня схватили за руку. Мужчина резко бросил, ещё раз оглядев меня с ног до головы:

– Уж не думаешь ли ты, что я позволю тебе разгуливать по добропорядочной Академии с тысячелетней репутацией вот в таком непотребном виде?!

Я бросила взгляд на свою пижамку. А что? Норм пижамка! Не прозрачная, ничего не видно... Хотя да, вон у него даже не костюм, а целая тройка с жилеткой и галстуком, а у Лилиан благообразный чепчик...

Прямо перед моим носом мужчина с повадками властного тирана начертил в воздухе овал, который беспечно засиял всеми цветами радуги. Прямо как мой шар! «Портал! – подумала я, вспомнив недавно просмотренный сериал про магов. – Мамочки, настоящий портал!»

– Я жду, – прервал мои восторженно-испуганные мысли мужчина и указал на сияющие пространственные врата.

– Вы первый, – язвительно ответила. – А то вдруг это портал в тюрьму! Я вам не доверяю.

Он только глаза закатил, а потом схватил меня за локоть и потащил прямо в портал.

Я зажмурилась. Если сейчас снова начнётся карусель, я не выдержу и покажу этому сиятельству, чем ужинала...

Глава 2. Никогда не лги ректору

К счастью, испытывать на прочность мой желудок никто не стал. Уже через мгновение мои ноги снова стояли твёрдо, и лишь тело чуть вело, как бывает после долгого бега по кругу.

Мужчина придержал меня за локоть, давая время восстановить равновесие, и тут же отпустил, словно почувствовал, когда я смогла распоряжаться своим телом самостоятельно.

Оставив меня одиноко стоять посреди комнаты, он подошёл к массивному столу и уселся в кресло, не сводя с меня внимательного взгляда. Ну ни дать, ни взять, следователь на допросе.

Вот только я не чувствовала себя преступницей, а потому решила осмотреться. Комната, где мы очутились после портала, явно принадлежала мужчине. Никаких горшочков с цветами, занавесок с милыми бантиками-держателями, статуэточек на книжных полках не было. Зато были суровые занавески тёмно-синего цвета, множество книг в книжных шкафах и непонятные приспособления, словно сбежавшие из музея творчества Леонардо да Винчи. Вся мебель в кабинете, – а это безусловно был кабинет, а не, скажем, гостиная или спальня, – была выполнена из красивого красного дерева, даже на вид настолько дорогого, что мне было страшно коснуться полированной поверхности стола даже случайно. Вдруг оставлю там некрасивый жирный след, ещё заставят потом натирать до блеска! Знаем мы таких педантов, плавали...

– Итак, – отвлёк меня от созерцания красот вокруг незнакомец с повадками хозяина всего и вся. – Я слушаю. Как именно ты умудрилась проникнуть в запечатанную библиотеку и что собиралась оттуда украсть?

Я невольно закатила глаза. Вот прицепился! С чего он вообще взял, что я – воровка? Да ещё и, судя по вопросу, весьма искусная взломщица?

– Повторяю: я ничего не собиралась красть, а попала... честное слово, она сама открылась! Я просто коснулась той дверной ручки, а библиотека сама меня буквально засосала внутрь!

Мне ответили скептическим неверящим взглядом.

– Библиотека сама сделала что? Засосала? – повторил мужчина, выделив последнее слово.

– Впихнула, втокнула, вду... – я вовремя остановилась, остановив свой бегущий ассоциативный ряд. Вот она, моя дурацкая привычка болтать всякую чушь, когда начинаю волноваться. Во всей, так сказать, неприглядной красе. – Я клянусь, что не взламывала вашу библиотеку. Да и не умею я ничего взламывать. Вон даже когда ключ потеряла, в свою собственную квартиру попасть не смогла. А там обычный замок, с собачкой такой, знаете?

Мужчина покачал головой.

– Как ты оказалась в Академии? – зашёл он с другого ракурса.

Я вздохнула. Откуда начинать рассказ? С момента, как проснулась? Кивнув своим мыслям, я ответила:

– Я спала в своей кровати, когда меня разбудил шар.

– Шар? – сиятельный хозяин академии вздёрнул бровь. – Что за шар?

– Купила недавно на барахолке, – пожала я плечами. – Такой небольшой, идеально круглый, вроде сам матовый, но внутри словно целая вселенная... из фосфора. Ну, светится он ночью... Иногда.

Я изобразила руками размер своего шара и покрутила пальцами, имитируя цветные завихрения, в которых утонула, когда шар «всосал» меня и Снежку внутрь.

По мере того, как я описывала своё приобретение, взгляд мужчины напротив становился всё мрачнее и мрачнее. Когда же я закончила, он встал из-за стола и подошёл к одному из шкафов. Коснулся рукой места, где у обычных земных дверц располагаются ручки или замки, и дверца засветилась бледным светом по всему своему контуру.

– Твой шар был похож на этот? – спросил мужчина, вытащив из своего шкафа шарик-близнец моего чудного бумагодержателя с распродажи. Только этот близнец сейчас не светился и был пристойно-матовый.

– Да, да, – я закивала, как заводной болванчик. – Вот такой же шарик. А... откуда? С той же распродажи?

Первая радость от того, что мы с мужчиной хоть в чём-то сошлись, улетучилась под гнётом сомнений и подозрений.

– Это мне бы хотелось узнать, откуда порталльная сфера появилась в твоём мире, – задумчиво ответил мужчина, поставив шар на свой стол.

– В моём мире? – надсадно кашлянула я и тяжело сглотнула. Нет, я уже начала было привыкать к этой мысли, но когда вот так явно подтверждают самые страшные предположения... становится совсем не до смеха.

– Дело в том, что подобных сфер всего три. Точнее, с твоей сферой уже получается четыре.

Я кивнула, пока не понимая в чём особенность моего шарика. Ну кроме того, что эта зараза отправила меня в эту дурацкую академию какого-то там дурацкого феникса.

– Вижу, что ничего не понимаешь, – вздохнул мужчина. – Эти порталльные сферы – дар богов, очень древняя реликвия. Два других шара находятся в личных сокровищницах правителей Малунга и Эльбении.

– И один – у вас? – хмыкнула я, проведя нужные параллели. – Вы тоже король?

Мужчина засмеялся. Нет, я не шучу, он действительно засмеялся! Он умеет смеяться, с ума сойти! Я даже опешила, увидев на строгом лице широкую искреннюю улыбку. Настольно инородно она там смотрелась после всего этого допроса с пристрастием, который мне тут устроили.

– Нет, – отсмеявшись, ответил мужчина. – Но сферу эту мой предок получил от благодарного монарха за спасение его жизни.

– Так, хорошо, допустим... порталльные сферы, да? – я сосредоточилась на главном. Дождавшись утвердительного кивка, я продолжила: – Значит, вы можете отправить меня домой?

Улыбка сползла с красивого сиятельного лица.

– Боюсь, что нет. Вот, видишь? – он крутанул шар ко мне той стороной, что до этого была скрыта от моих глаз. И я охнула. Идеальный ровный бок сферы пересекала глубокая трещина, словно выщербленная долотом молния. – Он больше никого и никуда не сможет отправить. Сожалею.

– Что же вы так беспечно обращались с ценным подарком! – осуждающе покачав головой, заметила я. А у самой аж голова закружилась от разочарования. Ведь на миг я поверила, что возвращение домой – дело пары минут.

– Это не я, – мужчина отвёл взгляд в сторону. – Моя дочь...

И замолчал. Очень выразительно замолчал. А мне отчего-то стало досадно, что у такого замечательного (исключительно внешне) экземпляра уже есть и дочь, и жена. Но тут же отогнала эти мысли прочь – последнее, о чём сейчас стоило думать, так это о семейном положении хозяина академии.

Он же тут хозяин, правда?

На какое-то время между нами воцарилась гнетущая тишина, которую первым прервал мужчина.

– Значит так... Да, как тебя зовут? – вдруг вспомнил властитель всея библиотек о том, что мы не были представлены друг другу (да и кем? не книгами же, право слово!).

– Алёна, – буркнула я. – А вас как?

Мужчина моргнул, дёрнул головой и посмотрел на меня с неожиданным интересом.

– Эдмонд вал ди Белуччини – его королевской милостью ректор Академии Белого Феникса.

Я даже хмыкнула – не удержалась. Против просто Алёны такое имечко звучало как верх изысканности. Мне даже показалось, что Эдмонд надменно вздёрнул свой красивый, прямой и тонкий нос.

– Значит так, Алёна, – продолжил ректор. – Я тебя услышал. Но отпустить никуда не могу. Придётся дождаться менталиста, чтобы проверить правдивость твоей истории. А после...

– Да, что после? – я с вызовом глянула ему в глаза. – Отправите меня домой? Или запрёте в тюрьме для попаданок?

– Не в моей власти совершать межмировые переходы, – развёл руками Эдмонд. – Но оставаться в Академии ты тоже не можешь. Не после того, как взломала печать секретной библиотеки.

– Да ничего я не ломала! – всплеснула руками я. – И вообще! Ваши книги меня признали. Какой-то там хранилищем назвали. Я вот этими самыми глазами видела, как на странице той книги появился русский текст.

– В этой? – ректор внезапно достал из ящика ту самую книгу, которая и нарекла меня хранителем библиотеки. Вот только когда он успел сбегать за книгой? Я не видела, чтобы он забирал её с собой, когда мы уходили из библиотеки!

Раскрыв передо мной книгу на середине, он спросил с подозрением в голосе:

– И где же здесь «русский» текст? Кстати, что за язык такой? У нас ему не учат.

– Ну да, конечно, – с горечью заметила я. – И надписи нет, и язык никто не знает... А как я вас тогда понимаю? Как вы, товарищ ректор, понимаете меня?

Ляпнула и прикусила язык. Ну вот откуда он мне товарищ? Свинья гусю, как говорится... Да и вообще! У них тут, наверное, господа, а я со своей любовью к советам.

А почему я, собственно, стою?

Если тут все господа, то королевской милостью ректор мог бы и предложить даме стул! А то и кресло! Я огляделась, нашла взглядом диванчик с изогнутыми ножками, мягкими сиденьями и спинкой, и села, закинув ногу на ногу. С неожиданным для меня самым вызовом посмотрела прямо в глаза ректору. А он прищурился, ничуть не смутившись. Потом усмехнулся и положил руку на гладкую табличку с правой стороны стола.

Я ждала какого-нибудь необычного эффекта, но Эдмонд просто подержал руку сверху, а потом убрал её и сказал обыденным голосом:

– Менталист одевается и скоро прибудет порталом.

– Так тут все умеют делать порталы! – съязвила я неожиданно, хотя мне это и не свойственно. – Почему бы тогда не отправить меня домой?

– Алёна, ты плохо слышишь? – осведомился ректор, разгладив галстук и заправив его обратно в жилет. – Я сказал «порталом», а не «межмировым порталом».

– Таких тонкостей я не знаю, – буркнула я, для верности ещё и руки скрестила на груди. Неприятный тип, хоть и симпатичный. Однако он ничего не сказал, когда я села. Будем надеяться, что Эдмонд устыдился.

Зря, но всё же будем надеяться.

– У тебя есть семья? Работа? – неожиданно спросил ректор.

Я даже вздрогнула от неожиданности. Ответила осторожно:

– Семья – это мама с папой. Да, они меня ждут и будут искать! А работа... – вздохнула, кивнула на полки с книгами. – Библиотекарь я.

– Шуточка такая? Ты шутишь? – Эдмонд даже вперёд подался, впившись в мои глаза взглядом. – Библиотекарь?

– Да! И я люблю книги! Они для меня как живые!

Эдмонд странно глянул на меня, потом вскочил. Прошёлся по кабинету, взлохматив волосы, резко обернулся ко мне:

– Живые?! Что ты хочешь сказать?

– Живые! Эвфемизм, знаете такое? Книжки, которые рассказывают свои истории...

Я смотрела на него непонимающе. Почему он так разволновался? Я просто употребила расхожее сравнение, что тут такого?

– Ты... Ты! Ты отдаёшь себе отчёт, что я имею право даже не ждать менталиста, а просто вызвать королевскую полицию и сослать тебя на каторгу!

– За что?! – воскликнула я, вскакивая. – Я здесь вообще ни при чём! Я случайно тут оказалась!

– Ты воровка! Ты пришла сюда украсть самые ценные экземпляры книг!

– Да вашу ж Машу! Какие ещё экземпляры? – я упёрлась руками в стол напротив Эдмонда. – Вы совсем охренели?!

– В запечатанной библиотеке хранятся уникальные книги! – отчеканил он, шуря свои прекрасные глаза. – Ты хотела их украсть. Я даже не сомневаюсь в этом, посему менталист нужен лишь для того, чтобы узнать способ, которым ты отпечатала библиотеку.

– Да не было никакого способа! – выкрикнула я в запале.

Он остановился, глядя на меня, потом махнул рукой:

– Я тебе не верю.

– А зря, – с горечью сказала я.

В углу кабинета заискрилось, вспыхнуло с характерным звуком, и я отшатнулась, подавив желание перекреститься. Огненное кольцо, как в цирке, возникло само по себе. Я смотрела широко раскрытыми глазами, как из него выходит мужчина мрачного вида в чёрном плаще, застёгнутом до самой бороды. Капюшон скрывал его глаза, всё остальное было укутано в тёмную материю. С ума сойти, это что и есть менталист?

– Господин ректор, вызывали? – спросил он глухим низким голосом.

– Вызывал, господин Андреэ. Нужно проверить вот эту девушку на предмет лжи.

– Отойдите на безопасное расстояние, – попросил господин Андреэ и откинув полы плаща, протянул ко мне руки. Мне сразу не понравилось такое обращение, а ещё совсем-совсем не понравилось «безопасное расстояние»!

– А ну, лапки подберите! – велела я, отходя на несколько шагов. – Я буду жаловаться!

– Кому, милаха? – ухмыльнулся менталист, придвигаясь ближе. Руки его засветились – как будто подсвеченные лампой с боков. Я шуганулась в угол, заорав:

– Прочь! Руки прочь!

– А мне даже не надо тебя трогать руками, – менталист раздвинул ладони, и воздух вокруг меня сгустился настолько, что стало душно дышать. Я забилась между стен, шаря ладонями по доступным поверхностям, а потом крикнула:

– СУД! ТРЕБУЮ СПРАВЕДЛИВЫЙ СУД!

И тут же всё прекратилось.

Мгновенно.

Всё.

Менталист развёл руками:

– Господин ректор, я не могу ничего сделать против СПРАВЕДЛИВОГО СУДА!

– А на кой вы мне тогда нужны, господин Андреэ? – буркнул Эдмонд. – Идите спать, прошу.

– Нет, ну вы тоже хороши, господин ди Белуччини! – ответил менталист с вызовом. – Вы меня позвали, чтобы я выявил ложь в словах девицы. А она взывает к СПРАВЕДЛИВОМУ СУДУ. Я ничего не могу против этого сделать!

– Понять не могу, откуда она о нём знает! – вспыхнул Эдмонд, а я сделала большие глаза. Даже не знаю, откуда в моём мозгу появились эти слова... Просто возникли, а я их выпалила. Менталист казался оскорблённым, ректор смотрел на меня, как на врага. А я... Я-то здесь причём?

Наверное, надо что-то сказать.

– Хотелось бы знать, господин товарищ ректор, где я буду сегодня спать.

Он взглянул, как на врага. Действительно, а как ему ещё на меня смотреть? Может быть, я его разбудила? А теперь ещё этот СПРАВЕДЛИВЫЙ СУД, менталист куксится, всё пошло прахом... Я выпрямилась. Нет, мне не улыбается быть игрушкой в руках какого-то мага! Я хочу домой. Плевать, что распечатала библиотеку, плевать на всё. Отдайте мне Снежку, и я спокойно удалюсь.

Ах да, межмировые порталы... Ректоры в них не могут. Менталисты явно тоже. А кто может?

Я снова села на диванчик, сложив руки на груди. Не возьмёте, теперь я знаю управу на вас!

Господин Андреэ поклонился, запахнув полы плаща, и сказал:

– Если желаете знать, господин ректор, то девушка не лжёт. А всё остальное не в моей компетенции.

– Спокойной ночи, – сухо пожелал ему ректор. Менталист начертил рукой овал, который зажёгся огнём, и вошёл в него. Я вздохнула. Эдмонд покачал головой, пробормотал:

– Хорошо, всё хорошо.

Потом встал и обратился ко мне:

– Я определю тебя в одну из свободных комнат на ночь, а завтра ты получишь платье и шляпку. СПРАВЕДЛИВЫЙ СУД состоится в полдень, тебя проводят к месту, которое определяют СУДЬИ.

– Благодарю, уважаемый Эдмонд, – ответила я ему с некоторым ехидством в голосе. – А позавтракать мне дадут? Я пью крепкий кофе с одной ложечкой сахара и капелькой сливок.

– Дадут, – коротко ответил он. – Прошу, сюда.

Цветной портал рассеял темноту кабинета, и я уже безо всякой опаски вошла в него.

И оказалась в крохотной келье с топчаном и столиком. Молча покачала головой и махнула рукой. Пусть так. Оглянулась – портал исчез, и кабинет ректора вместе с ним.

– Погодите, – я снова огляделась. – А где туалет?

Нет, прямо сейчас мне в эту волшебную комнатку не хотелось, но... сам факт отсутствия удобств напрягал. Поэтому первым делом я подошла к двери своей «кельи» и дернула за ручку.

С удивлением обнаружила, что дверь никто не запер. От сердца сразу как-то враз отлегло.

– Уф! – пробормотала я и вытерла со лба испарину. – Чёрте что творится в этом мире. Скорее бы дома оказаться. В привычной цивилизации безо всяких магов в чёрных плащах. И уж тем более, без надменных тупоголовых ректоров. Вот вроде и красавчик, но какое же непрошибаемое бревно!

Приоткрыв дверь своего временного жилища, я высунула нос наружу. Следовало выяснить наличие необходимых мест заранее, чтобы потом не оконфузиться перед этими серыми глазами.

В коридоре было тихо и пахло... вот этот непередаваемый запах пустых коридоров в университете. Сложно идентифицировать запахи, разложить их на составляющие, но общее впечатление было именно таким. Казалось, закрой я глаза, как перед мысленным взором тут же воскреснут стены некогда любимой альма-матер.

Вокруг царила благочестивая тишина, и я незаметной мышкой юркнула в тёмный зев коридора.

– Вперёд или назад? – тихо спросила саму себя и решила идти вперёд. На всякий случай считала двери, чтобы после смогла найти свою комнатку.

Вопрос о том, как я узнаю дверь нужного мне помещения передо мной не стоял. Мне казалось, что я её точно узнаю, когда дойду до туалета.

Возможно, так и случилось бы, если бы вдруг...

– Ай! – громко взвизгнула я, запнувшись о что-то мягкое. В полумраке коридора сложно было сразу понять, *что* или *кто* стал причиной моего испуга. Но ответное «мяу» мгновенно меня успокоило.

Сев на корточки, я протянула руки к обиженно нахлывшемуся котёнку.

И только я собралась подхватить свою потеряшку на руки, как сзади раздалось ледяное:

– Разве я неясно выразился? В подобном виде гулять по Академии запрещено!

Глава 3. Никогда не перечь судьям

– Ну так дайте мне приличную одежду и обеспечьте туалетом, – проворчала я, глядя, как ректор поднимает на руки мою Снежку. Поглаживая котёнка по голове, он сказал:

– Что ты о себе вообразила, интересно? Думала, тебе все поверят и сразу бросятся одаривать одеждой, украшать интерьер комнаты?

– Я у вас ничего не просила! – внутри всё аж задрожало от злости. – Меня выдернуло из моего мира, каруселью прокрутило до вашей библиотеки, там меня назначили хранителем, а вы... Вы мне не верите, менталиста подсылаете, чтобы в голове у меня копался, может быть, ещё в тюрьму на всякий случай запрёте?

– Ты сама испросила СПРАВЕДЛИВЫЙ СУД, – процедил он сквозь зубы. – Он и объявит наказание. В тюрьму тебя запрут или казнят.

– За что?! – я встала перед ним и даже на цыпочки поднялась, чтобы быть наравне.

– Суд скажет, за что. А пока – изволь вернуться в комнату и спать.

– В туалет, мне нужно в туалет!

– Потерпишь.

– Не потерплю! И вообще, это жестокое обращение с пленницей, я буду жаловаться!

– Кому?

– Королю! – сказала с вызовом.

– Не заставляй меня применять силу, – спокойно сказал Эдмонд.

– А и не надо применять никакую силу, – ответила с обидой. – Просто дайте сходить в туалет и всё. Потом я спокойно пойду спать.

Он закатил глаза к потолку, но со вздохом всё же кивнул:

– Хорошо, иначе, чую, мне сегодня не отдохнуть.

Вот и отлично! Я обрадовалась и последовала за ним, чеканящим шаг по коридору. Непробиваемый, непрошибаемый, но всё же сдался! Ура!

– Извольте, туалетная комната, – Эдмонд указал на неприметную дверцу чуть дальше по коридору, и я радостно влетела внутрь. А потом так же бодро выскочила наружу:

– Что это?

– Таулетная комната, – вежливо повторил ректор. Я покрутила головой:

– Знаете, я училась в универе, но у нас никогда не было вот таких туалетов! Это же дырка в полу!

– Вполне удобный туалет, – ректор пожал плечами.

– Вот сами там и облегчайтесь, – фыркнула. – А мне нужно более удобное место!

– Может, вас пригласить в мои личные покои? – с издёвкой протянул он.

– Отличная идея! – поддержала я.

И тут вмешалась Снежка, которую Эдмонд всё ещё держал на руках. Она встрепенулась и протяжно замяукала пискливым котячьим голосом, завозилась, желая спрыгнуть. Я протянула к ней руки:

– Снежечка, маленькая моя! Отдайте мне котёнка, живодёр! Вы точно не знаете, как с ним обращаться, ещё угробите!

– Да что ты себе позволяешь?! – возмутился он.

– Ми-а-а-а-ау!

– Милая моя, это совершенно неприлично! – сказал Эдмонд Снежке.

– МИ-А-А-АУ!

Ректор вздохнул так тяжело, словно его по меньшей мере заставили подарить почку первому встречному.

– Ларх с тобой, пошли.

Махнув мне рукой, Эдмонд развернулся спиной и, продолжая удерживать на руках мою кошку, открыл портал.

«Что-то я слишком часто использую порталы в последнее время, – подумала я, шагая в светящиеся пространственные врата. – Интересно, у них нет ограничений по прохождению сквозь порталы? Как ФЛЮ, например. Чтобы не облучиться чрезмерно...»

Очутившись в красиво обставленных покоях, я на миг даже забыла, что хотела в туалет.

В каждой детали чувствовался вкус, всё было подобрано идеально. И тёмно-коричневые шторы, и бежевый ковер под ногами, и обитая кофейным бархатом мебель. Мягкий жёлтый свет, струившийся из настольных ламп, лишь подчёркивал уют и стиль этой комнаты.

Не сравнить с моей кельей! Правда, я её плохо рассмотрела, но точно знаю – в келье я бы не жила, а вот в этой квартирке осталась бы с удовольствием.

– Туалетная комната там, – неопределённо показав рукой вправо, сказал ректор. И бережно опустил Снежку на кресло.

– Надеюсь, вы не избавитесь от моей кошки, пока я буду... отсутствовать.

– Она не твоя ко...

– Мяу! – перебила ректора Снежка и, глянув в мою сторону, муркнула. – Мияу. Мяу.

Словно пустила меня по делам, дав своё кошачье добро.

Странно, всё кругом слишком странно. Я пожала плечами и пошла исследовать ректорский туалет. Оставалось надеяться, что там будет что-то приличнее, чем дырка в полу.

Что ж, я не была разочарована. Керамический друг был в целом похож на земного собрата, отличаясь лишь формой, и то весьма незначительно. А вот бачок работал мудрёно, явно с применением магии.

Стоило мне нажать на кнопку, как мини-смерч из лёгких искрящихся пылинок уничтожил всякие следы моего пребывания в этой комнате. Зато в воздухе запахло летними цветами.

– Вот это технологии! – восхитилась я. – И никакой тебе хлорки или «утёнка». Класс!

Вдруг мой взгляд скользнул по большому овальному зеркалу. И я замерла.

– Что за?.. – возмущённо пробурчала я, коснувшись прядки своих волос. Вместо привычного блонда, выбеленного стараниями знакомой парикмахерши до красивого пепельного оттенка, моя голова теперь была... да что это за цвет вообще такой?

Я приблизила нос к зеркалу и вгляделась в прядку, зажатую меж пальцев. Синий? Фиолетовый? Бог мой, да тут половина радуги спряталась в моих волосах! Отойдя подальше, посмотрела на своё отражение в целом. Лицо не изменилось, и на том спасибо. Тело, судя по ощущениям, тоже не прибавило килограммов. Хотя от небольшого похудения в области животика я бы не отказалась, но уж имеем что имеем.

Получается, изменения коснулись лишь моих волос.

Когда первый шок от увиденного прошёл, я даже перестала пугаться себя. А что, цвет хоть и очень необычный, но мне вполне идёт.

Да и, справедливости ради надо признаться: давно мои волосы не выглядели настолько здоровыми и ухоженными.

Долго рассматривать себя в зеркале я не стала, беспокойство за Снежку гнало меня в комнату ректора. Как там моя шептунья кошка? И... почему он вообще сказал, что подобрашка не моя? Я не говорила ему о том, что нашла Снежку совсем недавно... Ох! Только бы кисуня не оказалась его питомцем, сбежавшим от хмурого зануды аж в другой мир! А то ведь этому умнику хватит «мозгов», чтобы обвинить меня ещё и в краже животного.

Но, когда я вышла из туалетной комнаты, Снежки в кресле не оказалось.

– Снежка! – позвала я. – Кис-кис, маленькая моя! Ты где?

– Она спит, – раздался голос Эдмонда из тёмного угла гостиной. – Ты сделала всё, что собиралась, в моей туалетной комнате?

– Так точно, товарищ ректор! – отрапортовала, взяв под несуществующий козырёк. – Готова отойти ко сну, но хочу знать, где мой котёнок!

– Р-р-р!

– Серьёзно, где Снежка? Я же волнуюсь за неё!

– Не стоит за неё волноваться, она спит!

– Я только посмотрю, – соврала, скрестив пальцы за спиной. Ректор прищурился, встал. Снежка лежала в его руках, как наследная принцесса кошачьего царя. Она спала безмятежно, раскинув свои маленькие лапки с растопыренными розовыми подушечками. Я протянула к ней руки:

– Дайте мне её, дайте, она такая милашка!

– Это не твоя кошка, – отрезал ректор.

– Так она ваша?

– Да, и я прекрасно забочусь о ней!

– До такой степени, что позволяете ей бегать по мирам и забираться в...

Договорить я не успела. В углу вспыхнула лампа – сама по себе, клянусь! Она вспыхнула несколько раз подряд и так же погасла. Эдмонд резко обернулся и подошёл к лампе. Смотрел внимательно, как она мигает – с неравными промежутками, как азбука морзе. Ух ты, да это же самый настоящий радиоприёмник!

Или магический телеграф? Хм-хм, могли бы уже и телефон изобрести.

– Возьми Снежианну и уложи её, – неожиданно сказал мне Эдмонд, обернувшись. Мда, интересно, он относится с котёнку, как к человеку!

– И куда, простите, мне её уложить? – спросила озабоченно, принимая сонную Снежку на руки.

– Там, в спальне на кровати, – ректор рассеянно махнул рукой куда-то вбок. Я проследила за его жестом и, пожав плечами, пошла в спальню.

Если мне очень понравилась гостиная, то в спальню я просто влюбилась! Мгновенно, с первого взгляда и навсегда. Когда вернусь домой, обязательно найду себе такую мебель и кровать из носу заработаю на неё!

Кровать была, как ни странно, ни два ни полтора: не односпальная, но и не полностью двуспальной. Высокая, с двумя перинами, с горой подушек, она была укрыта стёганным одеялом в стиле пэчворк, а сверху ниспадали милые складки балдахина – тяжёлые, но не бархатные, как можно было предположить, а из какой-то простой на вид ткани. Тёмно-тёмно-зелёной. И вся остальная мебель была обита точно такой же тканью, выдержана в точно таком же цвете. У стены стоял строгий шкаф, а рядом – туалетный столик с фарфоровым тазиком для умывания и кувшином, на котором был нарисован цветочек с голубыми лепестками.

Хочу всё это! И зеркало в раме из зелёного камня – неужели из малахита? – тоже хочу!

Зевнув, поняла, что слишком долго рассматривала чужую спальню. Подошла к кровати и бережно уложила кисуню на подушку, отодвинув в сторону мягкое одеяло.

И задумалась.

Снежку-то я пристроила, а себя любимую куда укладывать? И вообще. С чего вдруг такая осторожность и забота по отношению к котёнку? Как-то это всё подозрительно. «Надо будет всё разузнать!» – решительно подумала я и села на кровать. Мя-я-я-гонько-то как!

Попружинила на идеальном матрасе и вздохнула.

– Как думаешь, не казнит меня на месте этот занудный ректор, если я немного полежу на его кровати? – спросила я мирно спящую Снежку. Та, конечно же, ничего не ответила мне, а только потянулась, не открывая глаз, как умеют это делать только котята.

Пожав плечами, словно я сделала всё, что было в моих силах, я нырнула под одеяло и сладко зевнула. Рай!

Нет, вернусь домой, в лепёшку расшибусь, но спальню себе такую отгрохаю непременно!

Снова зевнув, повернулась на бок и уткнулась в белый пушистый бок котёнка. Сонно улыбнувшись во сне, аккуратно приобняла Снежку и сама не заметила, как заснула. Зуб даю, с довольной улыбкой на лице!

Сколь приятным было моё засыпание, столь неожиданным и раздражающим было внезапное пробуждение.

– Кто дал тебе право спать в моей постели? – ещё не осознавая себя после сна, с трудом разлепила веки и уставилась в сияющие праведным гневом серые глаза ректора.

– «КТО ЛОЖИЛСЯ В МОЮ ПОСТЕЛЬ И СМЯЛ ЕЕ?» – передразнила я Эдмонда, вспомнив одну известную русскую сказку о медведях. Только мой искромётный юмор местный ректор не оценил и лишь сильнее сдвинул брови, нахмурившись пуше прежнего.

– Я не давал разрешения...

– Да вы ни на что разрешения не даёте! – перебила я мужчину. После дважды прерванного сна я хотела крушить и убивать, поэтому страх за собственное благополучие несколько притупился, выпустив на свободу накопленное возмущение и недовольство местными порядками. – Ругаете за неподобающий вид, а одежду не даёте. Туалета от вас нормального не допросишься – спасибо Снежке, что намаякала приглашение! Одни претензии кругом, а встать на моё место и попытаться понять, что девушка попала к вам из другого мира, что она напугана неизвестностью и, в конце концов, хочет есть, пить и спать, – вы и не подумали, не так ли?

Ректор молчал. Очень тяжело молчал. Меня словно бетонной плитой к полу прижимал взгляд потемневших серых глаз.

Пространство между нами настолько наэлектризовалось, что, казалось, подними я в воздух вилку утюга, как тот мгновенно раскалится.

– Миау! – сонно зевнули с соседней подушки. Внимание цепких глаз тут же убежало к моей белой пушистой спасительнице, а я незаметно выдохнула. Ух, вот это я выдала!

– Это неприемлемо. – Ответил Снежке ректор и покачал головой.

Кошечка что-то возразила этому упрямому бревну, но тот оставался непоколебим.

– Нет, Снежианна. Не обсуждается. Наша... кхм... *гостья*, – он так ядовито выделил это слово, что я всеми фибрами души прочувствовала *гостеприимство* Эдмонда, – будет спать в своей комнате.

Я хмуро сползла с барской постельки, демонстративно расправила одеяло и с вызовом посмотрела в лицо ректору.

– Ведите меня в мою камеру, о суровый надзиратель! Позвольте провести последние часы ночи в тишине и покое, без упрёков и надуманных обвинений.

– Не нужно паясничать, – хмыкнул ректор и даже вроде без злости. Да неужели? Наконец проклюнулось здравомыслие?

– Хорошо, – примирительно сказала я. – Откинем шутки в сторону. Если говорить откровенно, то мне очень, вот прям катастрофически как очень нужно принять ванну, поспать и поесть. Именно в таком порядке. Мытарства по вашему миру и столь суровое гостеприимство очень меня утомило. А завтра, как мы все уже знаем, мне нужно предстать перед СПРАВЕДЛИВЫМ СУДОМ. Давайте отложим нашу непримиримую вражду до завтра, а сегодня побудьте немного гостеприимным хозяином. Я же не многого прошу?

– С огромным – слышишь? – огромным удовольствием я бы тебя придушил.

Ректор замолчал, кривя губы, а потом поправился:

– Или усыпил. Чтобы не видеть и не слышать до СПРАВЕДЛИВОГО СУДА. Но, к моему искреннему сожалению, Снежианна отчего-то желает иметь тебя при себе.

Он шумно выдохнул и достал откуда-то из воздуха огненную нить. Я шуганулась к кровати, но Эдмонд презрительно усмехнулся:

– Не бойся, это не для тебя.

Он принялся водить нитью по воздуху, плетя кружево, и я уставилась на это действие завороченным взглядом. Выходило очень красиво. Как будто вдохновенный художник рисовал картину без холста и кисти! А Эдмонд одним движением руки послал сплетённую картину в глубину спальни. Я с разочарованием увидела, как огненное кружево расплылось, распалось на кусочки и впечаталось в стены и окна. И пропало.

– И что это было? – спросила с любопытством. Ректор покосился на меня и буркнул:

– Защитное заклинание против сплетен и кривых языков.

– Вы серьёзно? Да никто не узнает, что я здесь. И вообще... А что, ваша жена ревнива?

Он бросил на меня странный взгляд и быстро вышел из комнаты. Я пожала плечами, посмотрела на Снежку. Она повернулась на спину, изогнувшись на простыне, и протянула ко мне передние лапки.

– Маленькая моя, – умилившись, я села на кровать, прилегла рядом, обняла кошечку и закрыла глаза.

Утро вечера мудренее.

А вдруг, когда я проснусь, всё это окажется просто дурацким цветным сном?

Сон мне приснился чёрно-белый и невероятно реалистичный. Надо мной склонилась немолодая женщина с белыми волосами, наморщила острый носик на узком изящном лице и зловеще прошептала: «Она совершенно не та, за кого себя выдаёт».

От этого сна я подскочила, как ужаленная. Осмотрелась – нет, я всё ещё была в спальне ректора, Снежка посапывала под боком, причмокивая язычком, как это делают только котята и щенята, а главное вокруг не было никого. Никакой женщины с белыми волосами! Счастье-то какое, а то я подумала, что это злая фея из сказки, которая сейчас заколдует меня и всю Академию... чего там? белого феникса лет на сто беспробудного сна!

Зато вместо женщины во всех углах спальни светились золотые нити, вспыхивая и угасая. Вспыхивая и угасая...

Это ещё что за иллюминация? Скоро Новый год, или кто-то пытается пробить защиту Эдмонда от сплетен и кривых языков?

Огоньки медленно погасли, и спальня снова погрузилась во мрак. Я легла обратно на подушку и закрыла глаза, обняв Снежку. Та машинально помацала меня лапками и снова зачмокала язычком. Рядом с ней было так спокойно и умирительно, что я быстро провалилась в сон.

И никакие злые феи меня больше не беспокоили.

Зато утром побеспокоил громкий голос Эдмонда. Спросонья я даже не сразу вспомнила, кто он такой и как его зовут, но вскочив, тут же сообразила. Ах да. Я всё ещё в другом мире. И всё ещё в спальне ректора.

Жаль.

– Поднимайся же, сколько можно спать?!

Ректор был возмущён. Ха-ха, а он когда-нибудь бывает в хорошем настроении? Я потянулась и не обнаружила рядом мою пушистую лапушку, поэтому тотчас же проснулась:

– А где Снежка?

– Доброе утро, – ледяным тоном сказал ректор. – Там, где ей положено быть в это время. А тебе положено готовиться к СПРАВЕДЛИВОМУ СУДУ!

– Что, уже? Ладно.

Я вылезла из-под одеяла и с готовностью пригладила волосы:

– Готова, пошли.

– Куда, женщина? – презрительно фыркнул ректор. – Ты не можешь предстать перед СУДОМ в таком виде!

– Опять? Вы опять издеваетесь? Раз вам не нравится моя пижама – дайте мне платье!

Он отвернулся, как мне показалось, с видом очень довольного жизнью человека, и протянул мне аккуратно сложенную ткань. Не ожидая подвоха, я развернула «подарок» и бросила его на кровать:

– Нет, я всё понимаю, но вот этого садизма – никак не могу понять! Это не платье!

– А что это по-твоему?

– Это рубище! Это ночная рубашка на великаншу! Это сшитая с двух сторон половая тряпка! Выбирайте сами, что вам больше нравится!

– Не капризничай. Это одеяние каждый, испросивший СПРАВЕДЛИВОГО СУДА, должен надеть и предстать перед пифиями в таком кротком и целомудренном виде.

Я только глаза закатила. С ним невозможно разговаривать. Но вид мне эта рубаха придаст слишком целомудренный и кроткий. Есть у меня маленькая идеечка, как украсить рубище подсудимой. Однако делать это в присутствии ректора я не стану. А то опять бухтеть начнёт.

Я повернулась к Эдмонду и спросила самым тихим и милым тоном, на который только была сейчас способна:

– Уважаемый товарищ ректор, мне переодеваться в вашем присутствии?

– Увольте! – воскликнул он, резко покраснев. И выскочил из спальни.

Хе-хе. Победа.

Я деловито осмотрела длинную холщовую робу, потом стащила с себя пижаму и принялась методично отрывать нашитое кружево. Я сейчас такой кроткий и целомудренный вид приму, что все справедливые пифии попадают в обморок, а потом спросят, где я такое платьишко купила.

Стоило главному мучителю невинных дев оставить меня одну, как я тут же принялась за дело. Точнее, начала поиски ниток с иглой. Должны же у них быть принадлежности для шитья? Не всё же на магию полагаться да на золотистые сияния.

Я прошлась по комнате в поиске нужных мне вещей, пооткрывала поочерёдно все доступные ящички и полочки. И, когда уже отчаялась найти хоть что-то, чтобы осуществить свою дерзкую задумку, удача, наконец, улыбнулась мне.

В дальнем углу верхней полки бельевого шкафа (да, я залезла даже туда, и ни капельки не стыдно!) нашёлся моток белой нитки и втиснутая в него игла.

Бинго! Или как там говорил греческий философ? Эврика!

Может, их забыла здесь во время уборки какая-то служанка? Мне слабо верилось в то, что Эдмонд будет сам себе штопать носки.

– Ха! Точно не будет, – хмыкнула я и вернулась к своему будущему наряду. Ножницы, к счастью, найти было куда проще – они оказались в одном из ящичков письменного стола.

Времени у меня было мало, поэтому работать пришлось так, словно это был экзамен по шитью на уроке труда в школе. Быстро, допуская ошибки и... ой! Чуть перестаралась с декольте... Уф!

Ничего, кружавчиками отлично задрапируем получившийся слишком глубоким вырез.

К тому моменту, как терпение ректора дало трещину и он нервно постучал в дверь, сигнализируя о том, что пора бы и честь знать, я почти закончила.

– Сейчас-сейчас! – размашисто ведя иглой, затараторила я. – Ещё совсем чуточку!

– Если ты сейчас же не выйдешь, я зайду в комнату и потащу тебя на суд, даже если ты будешь голой!

– А как же целомудрие и кротость? – хихикнула я, откусывая конец нитки. Всё, закончила! Ай да я, ай да молодец!

Довольно быстро переделалась в модернизированную мной рубаху и, оценив своё отражение, улыбнулась.

Ректору очень понравится!

Собственно, я угадала. Конечно, ему понравилось, иначе чем ещё можно объяснить внезапную немоту Эдмонда, когда он всё же не дождался меня и распахнул двери комнаты.

И застыл на пороге. И лишь глаза мужчины судорожно ощупывали моё тело, бегая от покрытого кружавчиками декольте к глубокому вырезу на бедре.

– Это ещё что такое? – всё же выдавил из себя Эдмонд, привычно нахмурившись.

– Как что? Та прелестная рубашечка, в которой у вас традиционно посещают заседание СПРАВЕДЛИВОГО СУДА. Вы же мне сами её дали, уже забыли?

Редко когда можно наблюдать, как бледная кожа постепенно наливается кровью, одаривая лицо волной румянца. В случае с ректором его буквально заливала собой злость и ярость, начиная ползти снизу, со стороны шеи и «заполняя» лицо мужчины по самую макушку.

– Отпад, да?! – восхищённо спросила я, гася в себе желание потрогать сие чудо на ощупь. Почему-то мне казалось, что покрасневшая кожа была огненно-горяча.

– Алёна! – угрожающе выпалив моё имя, Эдмонд сделал шаг ко мне.

Ай, теперь боюсь!

Глава 4. Самый справедливый суд в мире

На справедливый суд меня повели снова порталом. Наверное, господин товарищ ректор больше всего на свете боялся, что меня кто-то увидит выходящей из его покоев. Даже Снежку не дал пожать перед тем, как пригласил в светящийся радужный круг.

Гад.

Сказать, что я не боялась – значит, соврать. Ладно, Эдмонд меня не убил, хотя очень этого хотел. Это испытание я прошла с честью, даже почти не моргнув. А вот в портал вошла с трясущимися поджилками.

И не зря!

СПРАВЕДЛИВЫЙ СУД заседал в круглом зале, похожем на амфитеатр. Только зрителей на трибунах не было. Были только пифии. Я отчего-то сразу поняла, что это они. Моя роба была холщовой и некрашеной, а их одежды – белыми и почти сияющими. Волосы закрывали лица, как будто пифии изображали ту самую девочку из ужастика. Только в отличие от девочки в зале были блондинки, рыжие и шатенки. Одна брюнетка – я.

Инструкции, как обращаться с судьями, мне не выдали, и я струхнула. А вдруг лягну что-нибудь не то, а они мне впаяют пятнадцать лет каторжных работ? Ой, нет, ректор же сказал что-то о смертной казни!

– Неподкупные и справедливые пифии, – возгласил Эдмонд. – Эта женщина попросила СПРАВЕДЛИВОГО СУДА. Взываю к вашему разуму и вашим тайным силам! Отделите зёрна от плевел и судите – виновна она или чиста от злых намерений.

И вытолкнул меня прямо перед судьями светить разрезом на юбке.

Нет, бояться мне, конечно же, нечего! Ведь я чиста и невинна, как девственница, только мыслями и намерениями! Вообще я тут ни при чём, я добрая и пушистая!

– Добрый день, – сказала я дрожащим голосом. – Очень приятно познакомиться, меня зовут Алёна. Вот так случилось, я сейчас вам расскажу. В общем, ночью, когда я спала с котёнком, проснулась от его мяуканья...

– Разум, – сказала одна из пифий.

– Глупость, – не согласилась с ней другая.

– Несдержанность, – вступила третья.

– Дерзость.

– Доброта.

Они что, всерьёз перечисляют мои достоинства и недостатки? Я подняла руку, как в первом классе, и робко спросила:

– А что там по моему делу? Я-то знаю, что хорошая, но можно меня оправдать и отправить домой? Снежку я даже согласна оставить товарищу ректору, потому что вижу, как ей тут хорошо...

– Невоздержание, – перебила меня рыжая пифия.

– Молодость, – снисходительно ответила ей блондинка.

– Любовь, – задумчиво сказала шатенка.

– Страх, – возразила рыжая.

– Милосердие.

Они замолчали. Я оглянулась на Эдмонда и взглядом спросила: «Ну, долго ещё?» Ректор сложил руки на груди, «закрывшись». Ишь какой. Дрожи, мол, Алёнка сама.

– Вердикт, – сказала рыжая громко.

Оправдайте меня уже, пожалуйста!

И почувствовала просто всей кожей, как ректор думает: обвините её уже, пожалуйста!

А пифии, чтоб им благочестие пусто было, молчали. Нагнетали обстановку, доводя до точки кипения.

Я нервно мяла пальцы, перескакивая взглядом с одной судьи на другую, но те словно в сон погрузились. Хотя...

Может, они таким образом совещались между собой? Как там у нас на Земле это происходит? Суд удалился на совещание?

Я нервно хохотнула и с ужасом прикрыла рот. Ох, вот только этого мне не хватало! Только не сейчас, когда от этих пифий зависела моя дальнейшая жизнь! Если я разрожусь потоком ничего не значащей чепухи, как обычно это происходило в моменты сильного волнения и переживаний, то... даже я не поставлю на свою жизнь.

– Чиста, – нарушила тишину одна из пифий так резко, что я вздрогнула.

– Чиста, – подтвердила вторая.

И так, по капле, словно высыхающий ручеек на трескающейся земле, каждая из моих судий в светящихся мантиях повторила это слово. А после в зале суда стало темно. Погас свет, исчезло свечение одеяний, – да я даже руку свою не разглядела бы теперь! Кромешная тьма!

– Ну зашибись! – проворчала я, не зная, что теперь будет.

И испуганно ойкнула, когда чьи-то цепкие пальцы схватили меня за локоть.

– Не ори, – раздалось раздражённое где-то у моего уха, и я снова вздрогнула. Только теперь уже от странной смеси ощущений: испуга, досады и... волнения? Когда я не видела нахальные серые глаза, а лишь чувствовала горячее дыхание на своей коже, моё тело вдруг стало совершенно странным образом реагировать на твердолобого ректора.

На Эдмонда...

Пока я боролась со странными чувствами, охватившими моё тело, Эдмонд вытащил меня из зала суда в коридор. К счастью, там был свет, и я, моргнув несколько раз, привыкая, повернулась лицом к своему мучителю.

– Ну что, вы довольны, товарищ ректор?

От моих слов Эдмонд скривился. Но ответить не успел. Глубокий женский голос прервал наш милый диалог, наплевав на всякие приличия и манеры.

– Эдмонд, я поражена! – заявила дама лет пятидесяти с хвостиком. На ней было странное платье с рюшами по рукавам и краю корсета, а на голове мадам красовалась шляпка с пышным пером. – Почему я обо всём узнаю последней?!

Я перевела взгляд на ректора и с трудом подавила злорадный смешок: мужчина взбледнул, вмиг растеряв всю свою надменность и властность, превратившись в нашкодившего мальчика, которого отчитывает строгая мама. Или няня. Или учитель... не важно.

– Мама, вам не стоило... – начал оправдываться ректор и я мысленно похвалила себя за догадливость. Таки маман. Это открытие заставило меня присмотреться к женщине повнимательнее – вдруг я смогу разгадать причину отвратительного поведения её сына, наблюдая за их общением?

– Ещё как стоило! – перебила Эдмонда женщина. – И как долго ты собирался скрывать от меня... *это*? – палец мадам совершенно неуважительно нацелился в моё декольте. Упс, да... не думала я о таком исходе событий, когда весело кромсала свою чрезмерно целомудренную робу.

Кто-то скрипнул зубами. И это точно была не я. Всё ещё сдерживая позывы насмешливо улыбнуться, потешаясь в душе над загнанным в угол ректором, я тратила всё своё самообладание на то, чтобы молчать. Жаль только, что хватило меня ненадолго.

А что поделать, оскорблять себя всяким там мадамам я не позволю! Будь она хоть трижды матерью ректора какой-то там академии.

– Я не *«это»*, – возмущённо заявила я, раз уж ректор свой язык засунул себе в одно место. – У меня есть вполне определённый пол. Женский. Как и ваш, к слову.

Ответом мне был настолько презрительный взгляд, что я мигом поняла, откуда ветер дует, и от кого у Эдмонда такие отвратительные манеры. Тут не то что яблоко от яблоньки не далеко упало, оно и от ветки толком-то не оторвалось даже.

Удивительно, как при такой маман он умудрился жениться и дочерью обзавестись! Святая женщина его жена, не иначе!

– Я говорила, Эдмонд! Я пыталась тебе сказать, что эта прости-господи не та, за кого себя выдаёт!

Тон матушки был торжествующим, а я сложила два и два, белые волосы, не та... Это она приходила ко мне во сне!

– Я выдаю себя за попаданку, – сказала громко, чтобы все, кто мог слышать (в том числе и пифии, которые объявили о моей чистоте). И, задрав нос, добавила: – А если вам лично, мадам, что-то не нравится, я с удовольствием покину ваш мир, только отправьте меня домой.

– Не в моей власти, – ответила женщина, скривившись, будто съела кислый апельсин, – отправить кого бы то ни было куда бы то ни было.

– Мама, простите, я никак не ждал вашего визита, – словно опомнился Эдмонд. Боже, лапушка, да рывкни уже на неё! Ты же не мальчик на побегушках! Тебе за тридцать, а ты матушки боишься! Прямо до икоты!

– Да? А ведь я глава попечительского совета, сын мой, – с невообразимым достоинством сказала женщина.

– А члены попечительского совета всегда приходят во сне к девушкам, которые вынужденно занимают спальню сына? – тихо спросила я.

– Что-о-о? – матушка Эдмонда на мгновение потеряла часть своего достоинства, но тут подобрала его и челюсть обратно. Завидую, железная женщина!

– О чем ты, Алёна? – сквозь зубы процедил ректор. Но я решила пока больше не отсвечивать, потому что стояла всё в том же платье из рубища и кружавчиков от пижамки.

– Ни о чём, – сказала отвлечённо и двумя пальцами приподняла подол своего одеяния. – Хотелось бы знать, что мне делать дальше.

– Отличный вопрос, – похвалила меня матушка ректора, однако было ясно, как божий день – любить она меня за выдающийся ум и феноменальный интеллект не стала. Зато повернулась к сыночку и резким тоном велела: – Убери *«это»* из Академии! Немедленно. У нас учатся молодые люди и юные леди из самых знатных родов не только Арбента, но и Малунги! Своим видом она может развратить их неокрепшие умы!

– Серьёзно?! – не выдержала и рассмеялась я. – Развратить? Чем? Вот этим рубищем?

– Попрошу помолчать, – отозвалась мадам мама ректора ледяным тоном. – Эдмонд, распорядись, чтобы её выдворили из Академии!

– Нет, – неожиданно ответил ректор, и мы обе – матушка и я – посмотрели на него широко распахнутыми глазами. Эдмонд пробормотал себе под нос, словно пытаясь оправдаться перед самим собой: – Я не могу, ибо есть ещё некоторые невыясненные обстоятельства.

– Какие такие обстоятельства? – изумилась мадам.

– Распечатанная библиотека, и я намерен разобраться в этом до конца.

– И вообще, меня называли хранителем! – гордо ответила я.

Матушка ректора приложила к глазам лорнет, который болтался на цепочке её платья, и очень внимательно осмотрела меня с ног до головы. Потом сказала сыну:

– Мальчик мой, ведь она не всерьёз, успокой меня!

– Матушка, я собираюсь во всём разобраться сегодня же, – заявил он, и я порадовалась за Эдмонда: всё же он умеет настоять на своём!

– Что ж, раз ты так упрямисься – а я даже понимаю, в чём тут дело, – выразительный взгляд на моё декольте, – я созову попечительский совет! – мстительным тоном заявила дама. – Думаю, что к вечеру члены совета смогут собраться в Академии, изволь обеспечить им достой-

ный приём. А до этого времени, будь добр проследить, чтобы *«это»* не бегало по коридорам. Используй портал, неужели ты даже на такую малость изобретательности не способен?

К счастью, развивать свою мысль мадам зазнайка не стала и, вильнув всем своим внушительным корпусом, удалилась в темноту коридора, оставив нас с ректором снова одних.

– Фух! – выдохнула я, нисколько не скрывая своих эмоций от Эдмонда. – Тот ещё фрукт ваша маман, господин ректор.

Ответом мне был острый как лезвие взгляд.

– Ладно, ладно, молчу, – примирительно подняла руки вверх. А после, снова вспомнив о насущном, добавила: – Как я поняла, теперь от меня не отстанет какой-то там попечительский совет. Надеюсь, в этот раз вы дадите нормальную одежду, которую мне не придётся модернизировать на свой вкус!

И снова этот скрип зубов! Ах, музыка для моих многократно оскорблённых местной знатью ушей.

Ректор молча создал портал, не желая вступать со мной в пререкания. Видимо, общение с матушкой сильно подкосило его и без того не слишком уравновешенную психику. Что ж, молчать это хорошо. Молчание – золото. Так ведь?

Я не удивилась, когда снова оказалась в знакомом кабинете, выдержанном в мужских тонах. Я даже вдохнула полной грудью, наслаждаясь запахом дорогого дерева, пыльных штор и... кажется, табака, тоже дорогого. Только не видела, чтобы ректор раскуривал трубку... Может, ароматизатор у него такой?

Мотнув головой, прогнала неуместные мысли. Сейчас мне нужно было выстоять в неравном бою с зашоренным ректором, а это требовало всей концентрации.

– Итак, – начал мужчина, подойдя к своему роскошному столу.

– Итак, – эхом ответила я, скрестив на груди руки.

Эдмонд поднял на меня взгляд и удивлённо вскинул бровь. Я решила сразу расставить точки на и, ё и прочими буквами, и выдала свои требования:

– Так как мне предстоят новые смотрины и я задерживаюсь в вашем негостеприимном мире, хотелось бы у вас, как у принимающей стороны, попросить всё же предоставить мне нормальную одежду, еду, питьё и возможность подготовиться к заседанию попечительского совета. Было бы крайне любезно с вашей стороны, если бы вы хотя бы в двух словах подготовили меня к тому, что ждёт на совете. Ну и... О, Снежка!

Заметив пушистую пропажу, я метеором метнулась к котёнку и тут же подхватила её на руки. Ректор и слова против сказать не успел, – а он точно собирался, успела заметить по испепеляющему взгляду, брошенному в мою сторону.

– Оставьте мою до.. Снежианну в покое, – с усталостью в голосе произнёс ректор, на что котёнок вполне однозначно заявил свой протест громким «мау!». – Снежа, это не обсуждается. Нам нужно серьёзно поговорить с твоей... игрушкой.

Я захлебнулась от новой волны возмущения. Я – игрушка?! Да что он вообще о себе возомнил! Чурбан безмозглый, тупой непроходимый чурбан!

Но сказать я ничего не смогла, потому как все слова казались слишком мягкими, а пока я подбирала нужные эпитеты, ректор перешёл к моим вопросам.

– Одежду дам, после тебе принесут еду и питьё. А вот объяснять тебе, что будет на совете, я не обязан. И не хочу. Выкручивайся сама!

«Вантуз! Старый, ссохшийся вантуз в общественном туалете!» – мысленно обозвала я это непрошибаемое ректорство и глубоко вдохнула. Так, Алёнка, спокойно. И не с таким горюш-ком справлялись.

– Благодарствую, – улыбнулась Эдмонду настолько приторно-сахарно, что у него мигом должен был подскочить инсулин.

А после ещё двух вдохов-выдохов, я начала вспоминать оговорки этого бревенчатого товарища. Прищурившись, спросила:

– Так кем вам, говорите, приходится моя Снежка?

– Она не твоя, – обрубил меня на подлёте ректор. – И тебя не касается.

– Не удивительно, что ваша жена от вас сбежала! – бросила я в сердцах и тут же прикусила язык. Ох, Алёнка, это ты знатно за черту шагнула. Сейчас такая буря разразится!

И еды не дадут...

Ректор едва держался. Я почти видела пар, клубившийся из ушей мужчины.

Вместо оглушительного крика и обвинений в своей бестактности я была удостоена лишь цепкого, неморгающего взгляда.

Эдмонд молча вывел овал, тут же налившийся магической силой.

– Вон. – Пугающе тихо и спокойно сказал он. И я послушно собралась шагнуть в портал, так как чувствовала, что в этот раз я действительно рисковала своей жизнью. Стоило дать этому неуравновешенному типу с кучей комплексов проораться в тишине и пустоте кабинета, поэтому...

Я посмотрела на Снежку, которая всё ещё сидела на полу в шаге от меня. Нет, оставлять пушистую с полыхающим демоном, кем бы там она ему не приходилась, было категорически нельзя. Подхватив кошечку на руки, я буквально влетела в портал, слыша за спиной рёв раненого зверя.

Ух, мамочки!

Стукнувшись о твёрдый пол той самой кельи, которую ректор назначил моей временной тюрьмой, кубарем прокатилась до стены, окружив своим телом котёнка, чтобы случайно не зашибить её. О том, что кошки сами по себе гораздо более прыгучи, чем люди, я в тот момент не подумала.

Быстро оглянулась за спину: фух! чисто. Портал схлопнулся, отрезав нас от неадекватного ректора.

– Чем больше его узнаю, тем больше понимаю твоё желание сбежать из этого ада, – задумчиво почесав котёнка между ушек, проговорила я.

– Мау, – со вздохом ответило мне животное.

Какое-то время я переваривала произошедшее в тишине, а Снежка тем временем перебралась на мою кровать и благополучно заснула. Я даже позавидовала кошачьей беспечности. Казалось, их с рождения учат одной непреложной истине: «В любой непонятной ситуации ложись спать!»

Но я кошкой не была, да и спать не особо хотелось. Поэтому я напряжённо думала, думала, – и выхода из ситуации, в которую попала, не находила.

А когда окончательно сдалась перед роком судьбы, в мою дверь постучали.

Вздрагнув, спросила дрогнувшим от испуга голосом:

– Кто там?

Поскольку мне не ответили, спросила настойчивее:

– Кто?!

А взглядом поискала что-нибудь тяжёлое, чтобы, если придётся, огреть визитёра по башке.

Из-за двери пробурчали знакомым голосом:

– Троль в манто!

Лилиан, завхоз всея Академии!

Я открыла дверь, подозрительно глядя на женщину. В руках её был свёрток, а на свёртке ещё один свёрток. Одета Лилиан была с утра уже по-другому – в длинное платье с корсажем на пуговицах, поверх которого был накинут серый холщовый передник, а вместо чепца её голову украшала причёска из заплетённой косы, уложенной в сложную фигуру на макушке.

«Троль в манто» прошла в мою келью, осмотрев её самым пристальным взглядом, а потом сказала уже не так сердито:

– Одежду тебе прислали. И завтрак.

При слове «завтрак» у меня всё сжалось в желудке. Хочу есть! И кофе, хочу кофе! Но не может же быть чашка с божественным утренним напитком в одном из свёртков! Неужели мне не положено?

– Спасибо, это очень мило, – осторожно ответила я. – Извиняюсь за то, что доставляю неудобства, а кофе пленницам дают?

Лилиан окинула меня строгим взглядом, положила свёртки на стол и встала посреди комнаты с таким видом, что я сразу вспомнила свою начальницу. Та так же смотрела на нас, молодых специалистов только что с университетской скамьи, и как будто не понимала – ну как эти девицы могут быть такими тупыми? Вот и Лилиан сказала наставительным тоном:

– Юная леди должна одеться, умыться и причесаться, а затем уже пойти завтракать и пить кофе.

Отлично, всё это я пропущу мимо ушей, ибо я несколько лет как уже не юная леди, а вот наличие кофе меня обрадовало!

– Как тебя зовут? – вдруг спросила завхоз. Вышло очень даже дружелюбно. Я, конечно, удивилась непомерно, но ответила:

– Алёна.

– Ты не студентка.

Не вопрос, а утверждение. И тон такой – с ноткой уличения. Вот только в чём?

– Нет, слава богу, уже давно нет.

Лилиан покивала сама себе, а затем принялась разворачивать свёртки, приговаривая:

– Ну и хорошо, что не студентка. Ну и хорошо, что из другого мира. А то, понимаешь, бегают, бегают, глазки строят, а сами даже магический шарик не могут в воздух поднять...

– Вы это о ком? – спросила я, старательно давя смех. Кто тут и где бегают? Ещё и глазки... О-о-о, да это она о поклонниках Эдмонда вал ди Белуччини – вроде так зовут нашего прекрасного чурбана и вантуза... то есть, ректора!

Лилиан замолчала. Расправив простое серое платье с длинной юбкой, она разложила его на кровати. Поверх аккуратно уложила – мать моя швея! – нижнюю юбку в занятных оборочках, а потом – тут я чуть не упала в обморок – панталоны с кружевными фестончиками по низу.

– Что... это...

Меня душил смех. Или это был праведный гнев?

– Я вот это всё надевать не буду!

– Алёна, – она пристально посмотрела на меня и поджала губы. – Ты это всё наденешь и обойдешься без долгих бесед о моде и пристрастиях. Мне велено подготовить тебя для присутствия на попечительском совете. Ты мне даже слегка симпатична, и только поэтому я не стану применять силу.

Лилиан ткнула обличительным пальцем в панталончики и добавила:

– Сама оденешься. А я проверю. Иначе меня уволят.

– Ух ты! Да наш ректор не брезгует шантажом! – удивилась я, покосившись на нижнее бельё прямиком из девятнадцатого века. – Они хоть чистые, штаны эти?

– Обижает, – Лилиан выпрямилась и приняла чопорный вид. – Совершенно новые, доставленные пять минут назад королевской службой быстрых покупок. Господин ректор самостоятельно купил для тебя эти вещи. А платье, между прочим, стоит немалых денег!

– Да чтоб он разорился, – буркнула я. – Ладно, Лилиан, я надену всё это и не посрамлю нашего ректора перед попечительским советом во главе с его милой матушкой. Но можно мне всё же сначала кофе?

Женщина просветлела лицом и даже благодарно улыбнулась, а потом протянула руку в сторону и громко сказала:

– Кофе, пожалуйста.

Я широко раскрыла глаза, глядя, как в её ладони материализуется фарфоровая чашка на блюдце. Келью заполнил ни с чем не сравнимый аромат. Я вдохнула его и ощутила прилив бодрости от одного только запаха. Протянула ручки:

– Дайте, дайте, о дайте мне!

Лилиан вздохнула и поставила чашку на стол. Шлёпнула по моей ладони, которая уже была готова схватить кофе, и строго сказала:

– Умойся.

– Да я уже умывалась перед пифиями! – возмутилась я.

– Я этого не видела, поэтому будь любезна.

Пришлось подчиниться. Ладно, Лилиан не Эдмонд, она даже почти добрая. Не буду с ней ругаться. А может быть, даже расспрошу о попечительском совете.

Пока я плескала себе в лицо ледяной водичкой из кувшина (бр-р-р, но для кожи полезно), завхоз всея Академии сервировала на моём столике прелестный завтрак из крохотных бутербродиков на один укус. Магия еды разбудила Снежку, и моя кошечка потянулась неуклюже, спрыгнула с кровати и требовательно замыкала, требуя свою долю.

Лилиан покачала головой, заметив:

– А вас, Снежианна, господин ректор просил явиться в его покои. Там для вас, как всегда, приготовлен более сытный завтрак!

Мне показалось, что Снежка готова бежать в покои ректора, но показалось только на пару секунд. Потом котёнок фыркнул, будто чихнул, будто заявил: «Пофиг!», и вспрыгнул на стул, а с него на стол.

– Что за манеры, – пробормотала Лилиан, отодвинув чашку.

Я села за стол, взяла Снежку на колени и сказала ей:

– И правда, манеры у тебя... Надо плотно заняться твоим воспитанием.

Я шутила, но Лилиан очень серьёзно поддакнула:

– Надо, надо. Да ни одна нянька не может справиться с этим несносным ребёнком!

– С каким ребёнком? – рассеянно спросила я, выбирая из ассортимента бутербродиков. Выбрала один с паштетом, сунула в рот и услышала:

– С дочерью господина ректора, Снежианной, разумеется.

Глава 5. Попечительский совет

Я ожидаемо поперхнулась. Нет, ну кто такие вещи сообщает во время еды?

– Кх-кх, – я постучала себя по груди. – Как это дочь?

– А вот так, милочка, – Лилиан заботливо подала мне воды. – Дочь, как есть.

– Подождите, – у меня в голове усиленно заработали шестерёнки. – Так ректор, получается, тоже... кот?

Мой вопрос почему-то вызвал приступ бурного смеха у завхоза. А я терпеливо ждала, пока мне ответят, и не понимала, что же такого смешного сказала.

– Нет, милая моя, ректор не кот, – всё ещё смеясь, ответила Лилиан. – И никогда им не был. Способность к обращению Снежианна переняла от матери.

Я уже хотела расспросить об этой таинственной женщине, но завхоз сама себя осадила.

– Всё, полно время на разговоры тратить! Дела не ждут!

И дела действительно больше не ждали. Быстро доев свой скромный завтрак, поделившись с котёнком (но я запомнила, что Снежианне, в отличие от меня, обещали нечто попитательнее да посытнее), я позволила Лилиан помочь мне со всей этой несовременной одеждой и довольно скоро была полностью готова предстать пред требовательные очи попечительского совета.

Мне следовало думать о себе, о своих проблемах и о том, как из них выкручиваться, но вместо этого все мои мысли занимала маленькая кошечка. Как так вышло, что дочь ректора (уму непостижимо, он смог жениться и даже зачать ребёнка, как – с таким-то характером?) оказалась в моём мире, да ещё и в трубе? Сбежала, тут к гадалке не ходи. И, скорее всего, вот так же через шар. Но... почему именно в мой город? Мою страну, мой двор?

Кто выбирал, куда швырнуть котёнка порталной магией? Сама она или же великий случай?

Помотав головой, заставила себя отрешиться от этих мыслей. Сейчас мне всё же лучше сосредоточиться на том, как защитить свою честь и жизнь от нападок мадам матери всея Академии.

Ректор ждал нас с Лилиан у дверей. Увидев меня, собранную по всем канонам, он даже кисло улыбнулся. Эх, рано радуешься, Эдмонд! Мне только дай гарантию мира, ух я развернусь!

Ответив мужчине на улыбку, я с тоской проводила тут же пожелавшую исчезнуть Лилиан. Жаль, эта женщина мне казалась неплохим буфером между мной и разгневанными членами Академии.

– Что ж, надеюсь, это наша последняя встреча, – выдавил из себя Эдмонд. – Теперь твоё будущее зависит только от решения совета, а он, подозреваю, с превеликим удовольствием выставит тебя за пределы Академии.

– И вы смиритесь с тем, что так и не узнаете, как я смогла обойти защиту библиотеки? – ехидно спросила я, давя на большую мозоль ректора.

Что и следовало доказать. Хрена с два он смирится! Вон глаза как сощурил, да брови свои красивые нахмурил. Нет, пока сам не докопается, он не отпустит меня.

Отчего-то эта мысль странным образом грела меня.

– Пошли, – вместо ответа сказал ректор и открыл тяжёлые двери, выпустив наружу странный холод изнутри помещения. – Нас уже ждут.

Я пошла за ним, убивая сразу двух зайцев. Первым был попечительский совет, где меня снова будут допрашивать. А вторым – туризм. Я рассматривала холл с жадностью жителя Поднебесной, который на пенсии вместе со стайкой таких же старичков ездит по миру и фотогра-

фируется на фоне памятников. Впрочем, фотоаппарат я захватить с собой как-то не додумалась.

Пришлось фотографировать глазами на плёнку памяти.

Мы пересекли огромный холл и спустились по ступенькам. Высокий сводчатый потолок делал его похожим на готическую церковь. Но вместо икон и статуй святых в простенках стояли статуи книг. Раскрытых книг на пюпитрах.

Необыкновенно!

Я даже сунулась к одной из статуй, чтобы посмотреть – может, на страницах что-то написано? Но Эдмонд тихо рявкнул:

– За мной, не отставать!

Его голос прокатился лёгким эхом под сводами потолка, и я скорчила гримасу неудовольствия. Фу таким быть. Ладно, потом рассмотрю всё в деталях, а пока буду снова дрожать перед проведением попечительского совета.

Ректор привёл меня к высоченным дверям. Сделаны они были не иначе как для великанов, потому что зачем иначе создавать двери в три человеческих роста?

– Попечительский совет – это собрание весьма уважаемых людей в нашем королевстве, – сообщил мне Эдмонд. – Выглядишь ты достаточно респектабельно в этом платье, но вот манерами не вышла. Очень прошу обращаться ко всем с уважением.

– Вы меня «очень просите»? – удивилась я, кусая губы. – А где же «пожалуйста»?

– Пожалуйста, – выдавил он через силу.

Сладкая музыка для моих ушей! Да что мне какой-то там попечительский совет, если сам Эдмонд вал ди Белуччини разорился на целое «пожалуйста»!

– Я буду паинькой, – мило пообещала я и коснулась ручки двери. Думала – буду тянуть с силой, но дверь распахнулась сама. Верная своему слову, я пробормотала двери:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.